

«Живым изменницей была и верной — только тени»

Коме прихвад. — 1993. — 23 июня

Сегодня Анне Ахматовой — 104 года.

«Ведь где-то есть простая жизнь и свет,—

Прозрачный, теплый и веселый...» В этом отчаянно грустном «ведь» — обреченность русской интеллигенции на сожаление: живет же кто-то хорошо да просто и нет у него никаких метафизических проблем и не закрывает ему культура (потому что ее—нет) путь к «горячей сердцевине жизни», как выражается один теоретик. А мы вот «живем торжественно и трудно.

И чтим обряды наших горьких встреч», и бродим как бы в стороне от истинной жизни, в сумерках, и ищем, ищем свое прошедшее, потерянное время, друзей, себя. Строим картонные замки и с мазохистской затаенной радостью ждем, когда же они обрушатся, чтобы снова сказать, как ослик Иа: ну вот, я так и знал, и устроить пышные похороны своих (не)оправдавшихся надежд.

Замки (воздушные, карточные, из слоновой кости) вообще имеют обыкновение разваливаться — на то они и замки. И тогда остается лишь горькое сожаление, чувство оставленности, тогда начинаешь понимать, что, заброшенный в этот мир, ты оказываешься никому не нужен, кроме своих воспоминаний. И тогда ты тешишься ими всю жизнь. Лишь эти слабые тени, что бродят в подсознании, как-то утешают. Друзей не ценишь, пока они рядом, и печалишься, когда их уже нет.

«Я званье то приобрела
За сотни преступлений,
Живым, изменницей была
И верной — только тени». И эта тень — единственное, что, наверное, еще связывает с жизнью, и нельзя отпускать ее ни на секунду, иначе потеряешься в своем одиночестве. И потому «мы не умеем прощаться,—

Все бродим плечо к плечу.
Бросил взгляд на полку: так и есть, двухтомник Ахматовой стоит плечом к плечу с книгой Гумилева. Прощание в итоге становится встречей, пусть даже такой, на одной из полок Вавилонской библиотеки.

Александр МОНАХОВ.